

ДЕТЕКТИВЪ № 033

сочинитель г-н А. Арсаньев

КАЗНА НАПОЛЕОНА

Издательский дом
Рипол Классик

Москва

Александр Арсаньев
Казна Наполеона
Серия «Записки масона», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138535
Казна Наполеона: Рипол-Классик; 2003
ISBN 5-7905-1642-4*

Аннотация

«Казна Наполеона» – таинственный роман А.Арсаньева в проекте «Записки масона» серии «Детективъ № ...». При переправе через Березину реку великий император Наполеон утопил свою казну. Якову Кольцову, бывшему поручику Преображенского полка, а ныне – члену масонской ложи, предстоит нелегкое расследование...

Содержание

I	13
II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Арсаньев

Казна Наполеона

Век девятнадцатый закончился. Он вошел в историю, полный противоречивых событий. А сколько судеб людских он изломал! Что принесет с собой новое столетье? Дмитрий Михайлович Готвальд, довольно известный в русских научных кругах этнограф, прибыл в Сибирь изучать тюремный фольклор. Лошади тащились с трудом, скрип колес убаюкивал. Вдруг тарантас довольно резко остановился, и задремавший было Дмитрий Михайлович проснулся, ударившись обо что-то затылком. – Харитон, что стряслось? – крикнул он кучеру, высунувшись из неудобной крытой повозки. Кругом темнели могучие кедры, вдаль простиралась великая тайга. Этнограф нахмурился, пасмурная погода не располагала к хорошему настроению. – Колесо отлетело! – с досадой воскликнул возница, поправляя сбрую. – Работы часа на три, чтоб его! – выругался он. «Что же делать?» – Готвальд засомневался. Конечно, он мог дожждаться, пока Харитон починит тарантас, и спокойно двигаться дальше, но что-то не давало ему сидеть на месте, толкало вперед, взывало к нему из-за раскидистых еловых ветвей. – А ехать-то далеко еще? – Готвальд снова обратился к вознице. – Верст десять – двенадцать, – сказал Харитон в ответ, отвязав у лошади постромки. Повозка, стоявшая на трех колесах, перекосилась на ле-

вую сторону. — Я, пожалуй, пойду, — вдруг решительно заявил Дмитрий Михайлович, отважившись, наконец, прогуляться до Тобольска пешком. По дороге он мог встретить местных бродяг и, если посчастливится, записать пару песен. Этнограф потянулся и нырнул обратно в повозку, где переделся в рваную поддевку, набрал побольше мелочи, в правый карман сунул револьвер, а в левый — сложенный вчетверо лист нотной бумаги и маленький карандаш. Теперь он и сам вполне мог сойти за бродягу. Харитон подивился: — И не страшно, вам, барин? Вдруг каторжника встретите... Здесь беглых-то много шляется! — Волков бояться — в лес не ходить, — усмехнулся Дмитрий Михайлович. — Ага, и верно, — поддакнул кучер. — Тут, говорят, где-то у самого оврага есть харчевня. Слыхал? — А то? Весь местный сброд там и собирается. Ворованным золотом с приисков торгует. Ее Сенька содержит, кажется, сам из беглых. Скупкой-то и промышляет. — А что власти? — притворился удивленным Дмитрий Михайлович. Возничий пожал здоровенными плечами: — Вестимо, кормятся. Готвальд спрятал в усах улыбку и устремился вперед, прямо по дороге. Еще долго следом провожал его обеспокоенный взгляд Харитона. Этнограф миновал лес и вышел на большую, залитую прозрачным светом поляну. Солнце прорезалось из-за туч и озарило небо сверкающими лучами. Под ногами московского академика зеленела сочная таежная трава, где-то в вышине слышались звонкие голоса сибирских птиц. Сердце ученого забилося в предчувствии

чего-то необычайно значительного и волнующего. Готвальд уверился, что сегодня непременно совершит архиважное открытие, за что потомки скажут ему огромное спасибо. Дмитрий Михайлович прошел еще три версты и присел на землю передохнуть. Готвальд действительно устал. Все-таки сказывались годы. Его грела надежда, что осталось совсем чуть-чуть, и он, наконец-то, доберется до своего перевалочного пункта. Отдышавшись, этнограф поднялся и снова тронулся в путь. Где-то рядом, по-словам знакомого охотника, должна была располагаться та самая знаменитая харчевня. Дмитрий Михайлович раздвинул тяжелые ветви темнеющего кедра и увидел низкую худую избу. – А вот и она! – прошептал он еле слышно и постучался в окошко. Дверь на несмазанных петлях со скрипом отворилась. На пороге появился высокий белобрысый мужик с хитрыми глазами на изрытом оспой, бледном лице. – Тебе чего? – сердито осведомился он. – Сеньку, – ответил Готвальд. – Ну, я – Сенька. Чего понадобилось? – Напой, накорми, а уж потом расспрашивай! – Лады, – кивнул хозяин. – Проходи! Дмитрий Михайлович не заставил себя долго ждать и шагнул в избу, где в воздухе растворился тяжелый запах дыма и перегара. За высоким столом, сколоченным из неровных досок, на длинных скамьях сидело несколько человек в оборванной грязной одежде. Около каждого стояло по деревянной кружке с водкой и лежали мясные шаньги. Готвальд порылся в кармане и бросил на стол горсть серебряной мелочи. Сенька собрал монетки в ла-

донь и принес этнографу такую же полную кружку и блюдо с пельменями. – Благодарствую, – Дмитрий Михайлович принял кружку из его рук. Отхлебнул и едва не задохнулся. – По гостям и брага, – с видом знатока изрек Сенька. В этот момент один из оборванцев, по всей видимости грузин, затянул арестантскую песню, мелодия которой наполнила душную прокуренную избу пряным кавказским ароматом. От ее тональности Готвальд пришел в настоящий восторг. – Напой еще, а? – обратился он с просьбой к доморощенному артисту, едва тот закрыл рот и замолчал. Дмитрий Иванович бросил на стол целковый, а сам полез в другой карман за нотной бумагой. Он и не заметил, как оборванцы переглянулись. Сенька кивнул, давая добро: – Спой, Гурам, порадуй гостя! Кавказец спорить не стал, исполнил песню на бис. Обрадованный Готвальд поторопился занести ее мелодию на нотный стан. Гурам подошел к нему вплотную и шепнул: – Идем со мной, дело есть. Дмитрий Михайлович спорить не стал, а послушно пошел за ним в соседнюю крохотную комнатку с низким потолком, где они скрылись от посторонних, жадных до денег глаз. Бродяга вынул из под лавки истрепанную сермяжную котомку, порылся в ней и извлек на свет божий пухлую тетрадь в бархатном переплете. У этнографа глаза на лоб полезли, ничего подобного он от Гурама не ожидал. Готвальд даже позабыл о своем предчувствии, которое преследовало его весь день, и уставился на тетрадь, обложка которой была украшена какими-то таинственными символами.

Бродяга заговорил: – Я вижу, ты – человек непростой. – Он протестующе замахал рукой, оборвав возражения Готвальда. – И денег у тебя навалом. Может быть, тебе эта писанина и понадобится, а мне она ни к чему. Я ее в тюремной больнице получил, дружок мой там от чахотки помер. Глядишь и сторгуемся, а? – Товар бы поглядеть не мешало, – опомнился Дмитрий Михайлович, у него пересохло во рту, то ли – от водки, то ли – от смутного ощущения иррациональности происходящего. Он подозревал, что тетрадь, таит в себе нечто необыкновенное и загадочное. – Идет! – согласился Гурам и протянул Готвальду рукопись. Этнограф взял ее в руки и трепетно погладил по темно-лиловому переплету. Он присел на скамью, перелистнул первую страницу и начал читать. Рукопись имела название, в правом верхнем углу было написано: «ДНЕВНИК ЯКОВА КОЛЬЦОВА, ДВОРЯНИНА, ОТСТАВНОГО ПОРУЧИКА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА, ИМЕВШЕГО НЕСЧАСТИЕ СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ СЕБЯ УЧАСТИЕМ В ИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЯХ ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА И СОСЛАННОГО НА ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРОД ТОБОЛЬСК». Готвальд внимательнейшим образом рассмотрел тетрадку со всех сторон, она была исписана мелким каллиграфическом почерком и кое-где изрисована какими-то странными знаками, похожими на те, что красовались на ее бархатной обложке, и другими – совершенно от них отличными, по мнению Дмитрия Михайловича, имеющими мистический смысл. Этнограф заметил, что

рукопись состоит из отдельных историй, очевидно, озаглавленных автором. Однако ему пришлось с сожалением констатировать, что значительная часть записок утеряна, а начало дневника обрывается на второй странице. И Дмитрий Михайлович чуть слышно, полушепотом прочел: «Я, Яков Андреевич Кольцов, девятнадцати лет от роду, вступивший в орден „Золотого скипетра“, считаю для себя возможным оставить эту рукопись», – дальше строчки были размыты и Готвальду пришлось прервать свое новое увлекательное занятие. «Неужели в мои руки попали записки одного из масонов?!» – этнограф не верил в свою удачу. Он знал, что ни один из них, будучи в здравом уме и трезвой памяти, никогда не посмеет нарушить тайну, так свято ими оберегаемую. Готвальд продолжил чтение: «Я добровольно наложил на себя силанум, священный обет молчания, но мастер разрешил меня от него. Поэтому я и отважился описать те события, в которых волею ордена вашему покорному слуге довелось принимать участие. Естественно, я скажу только то, что имею право сказать, и ни словом больше. Не кары человеческой опасаясь я, а – кары небесной». У Дмитрия Михайловича от прочтенного захватило дух, он так и представлял свое имя на первых полосах газет и обложках солидных высоко научных изданий. Бродяга с интересом наблюдал за его реакцией, прикидывая в уме, сколько бы содрать с этого простофили, которому столь сильно хотелось сойти за «своего», но так и не удалось избавиться от барских замашек.

Готвальд перевернул страницу: «Всю свою жизнь, без остатка, мечтал посвятить я поискам истины, и небо ответило на мои мольбы. Сколько загадочных преступлений совершается в мире?! И я, по поручению ордена, имел счастье раскрыть хотя бы их толику. То, что вы держите в руках – это записки мои об этих историях». Дмитрий Михайлович захлопнул тетрадь, у него появилось ощущение, что сам автор наблюдает за ним из-за тяжелой завесы времени. Он встряхнул головой, отгоняя наваждение. – Ну что? – Гурам вернул его к действительности. Дмитрий Михайлович поднял на него непонимающие глаза. – За пять целковых берешь? – опасно осведомился бродяга. Гурам боялся спугнуть покупателя баснословной ценой. – По рукам, – согласился обрадованный Готвальд, он бы душу дьяволу заложил за обладание этой пухлой тетрадью в бархатном перелете. Дмитрий Михайлович и опомниться не успел, как в дверном проеме появились два верзилы, оба – косая сажень в плечах. – Живо деньги гони, – крикнул один из них, медленно приближаясь к этнографу и угрожающе сжимая в огромных ручищах дубину. Готвальд попятился, он ума не мог приложить, что делать, и мысленно распрощался с жизнью. Вдруг, как по волшебству, бродяги исчезли, словно растворились, подобно туману – ну по утру. И тогда Гурам объяснил: – Господин урядник пожаловали. Готвальд облегченно вздохнул. Вот когда воистину убеждаешься в том, что полиция действительно необходима. Он расплатился с певцом и забрал у него днев-

ник Якова Кольцова. Дмитрий Иванович покинул Сенькину харчевню в сопровождении полицейского после того, как тот несколько минут рассматривал его бумаги. Готвальд удовлетворенно заметил, что открытый лист к сибирской администрации, подписанный начальником Забайкальской области, произвел на него серьезное впечатление. — Какими судьбами в наши края? — осведомился урядник уже в повозке. — Изучаю быт ссыльных и каторжан. Надеюсь, что губернатор будет оказывать мне всяческое содействие. И Готвальд в своих чаяниях не обманулся. Уже к вечеру, немного передохнув в гостинице, он отправился в городскую тюрьму, расположенную в верхней части Тобольска, и имел длительный разговор с инспектором. — Яков Кольцов? — инспектор наморщил лоб. — Что-то припоминаю. Кажется, был такой ссыльный в наших краях. Ах, да! — он щелкнул себя по лбу. — В его доме теперь располагается тюремный музей, поэтому его имя мне и показалось знакомым. Инспектор проводил Дмитрия Михайловича до музея, который он пожелал непременно осмотреть. Впрочем, экспонаты его не особенно волновали. Готвальд во что бы то ни стало хотел погрузиться в атмосферу, которой некогда дышал масон Яков Андреевич Кольцов. Одна из комнат сохранила свою обстановку со времен ее ныне покойного владельца. От инспектора Дмитрий Михайлович узнал, что Кольцов скончался вследствие апоплексического удара в сорок пятом году. Стены комнаты были обтянуты шелковой материей. В углу, прямо напротив камина стояло

большое черное пианино, рядом – небольшой шкаф, весь заставленный книгами. На нем красовалась индийская статуэтка Шивы. Готвальд хорошо разбирался в восточных религиях. Он присел на обитый бархатом диванчик и погрузился в интересное чтение.

I

Первого сентября 1816 года стемнело рано, и наступил туманный прохладный вечер. Я заскучал, и мне пришло на ум разложить старинный, довольно сложный пасьянс. Картами я владею виртуозно, поэтому эта забава меня почти не развлекала, так как я давно утратил к ней всяческий интерес. Однако черви никак не желали складываться в восходящую линию, и я немного занервничал, не ожидая подобного подвоха с их стороны. Мне показалось, что бронзовая фигурка Шивы, соседствующая на полке с этрусской вазой, слегка надо мной посмеивается. Колода у меня была разложена на маленьком столике в виде шести раскрытых вееров и открытого квадрата. Одна из «грядок» окончательно разошлась, и я задумался над своими дальнейшими шагами. В этот момент Мира, занятая обучением Кинрю непальскому языку, видимо заметила мои колебания и переложил на место разошедшейся «грядки» червонную даму из «букета», и линия сошлась. – Браво, – не смог я не отдать должное ее таланту, выпестованному под моим собственным руководством. Мира скромно потупила свои черные глаза, сделав вид, что полностью поглощена изучением сари, которое явно было изготовлено не в Калькутте, так как шелковую изумрудного цвета ткань с темно-зелеными разводами, я сам лично ей привез из Китая.

Кинрю оторвался от таблицы с деванагари, разрисованной Мирой специально для того, чтобы ему было сподручнее постигать систему слогового письма, и изрек по-непальски, что индианке больше пристало бы заниматься шитьем, чем картами. Выслушав его высказывание, Мира едва не задохнулась от возмущения, но моментально пришла в себя и улыбнулась ей одной присущей, тонкой пленительной улыбкой. Она не всегда понимала шутки японца с первого раза. Идея вести дневник пришла мне в голову именно в этот вечер. Я собрал истрепанную колоду и убрал ее в секретер, инкрустированный перламутром, а затем извлек из ящика темно-лиловую бархатную тетрадь. – Что это вы собираетесь делать? – любопытствовала Мира. Она превосходно говорила по-русски. – Записывать умные мысли. Мира бросила на меня удивленный взгляд из-под черных густых ресниц, но так ничего и не сказала. Ей была известна моя вечная нелюбовь к эпистолярному жанру. Писем я не писал почти никогда. Я молча достал чернильницу и обмакнул в чернила перо, потом приоткрыл тетрадь и задумался. Только сегодня я закончил прочтение книги Иоанна Масона «О познании самого себя», в которой он недвусмысленно рекомендовал вести дневник с целью исповедания. Однако я боялся приоткрыть завесу над тайной, не мне одному принадлежащей... И в памяти моей живо всплыла картина моего посвящения. В мерцающем полумраке загадочной комнаты стою я на ковре, испещренном символами, среди

чающихся церковных свечей, пламя которых колеблет струя моего дыхания. Торжественно произношу я слова древней масонской клятвы: «В случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренности вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху». Кому как ни мне знать, что клятва эта – не пустая формальность. – Яков, что-то случилось? – Мира звала меня по имени, с тех пор, как я спас ее от пламени погребального костра. В пронизательности моей юной подруге никак нельзя было отказать. Я подозревал, что она любит меня невинной детской любовью, как и положено, по ее мнению, любить своего спасителя. – Нет, дорогое дитя, ничего не случилось, – сказал я почти что искренне. – Может быть, ты споешь нам? Я любил ее чистый высокий голос, и особенно мне нравилась в ее исполнении баркарола, песня венецианских гондольеров. Мира об этом догадывалась. – Я мигом, – сказала она и скрылась в своем будуаре, чтобы переодеться. Он располагался на втором этаже, рядом с библиотекой. Мира неслышной походкой скользнула по ступенькам, не в ее манере было исполнять итальянскую песню, облаченную в сари. Кинрю, наконец, убрал свою таблицу и заговорил по-непальски. Он явно делал успехи. – Странная тишина, – заметил японец. – Словно перед бурей. Давно к нам Кутузов не заглаживал. Или люди перестали совершать преступления? Кинрю был отчасти посвящен в

мои дела и поэтому иногда распускал язык. Я невольно порадовался, что Мира взялась за обучение его своему наречию. Однако я тоже был удивлен столь длительным молчанием Ивана Кутузова, который обычно не забывал напомнить мне о второй добродетели вольного каменщика. Она, в частности, подразумевала повиновение высшим чинам и соответствовала второй ступени храма Соломона. Кутузов был моим «братом», мастером и наставником, которому прекословить я не смел. Именно он показал мне вход в тайную храмину масонской ложи, протянул мне руку и научил бороться за Истину, рыцарем которой я себя и считаю. Мира вернулась минут через десять – пятнадцать. Она нарядилась в легкое платье из жемчужно-серого флера на розовом шелковом чехле и приколола к корсажу живую розу. Дверь из ее будуара вела прямо на лестницу, которая спускалась в сад. Пять лет провел я на Востоке, но никогда не встречал более красивой женщины. Я перевел взгляд на Кинрю, по-моему, он подумал о том же. Мира легкой походкой направилась к клавикордам розового дерева. Я всегда испытывал слабость к роскоши и позволял себя всяческие прихоти. Отложив в сторону тетрадь, я приготовился слушать. Она склонилась над инструментом, и под ее тонкими пальцами зазвучала удивительная музыка. Плавная мелодия укачивала на своих нежных волнах, и Мира запела. Ее голос проник в самые затаенные глубины моей души. Такого божественного исполнения я не слышал

больше никогда в своей жизни. – Господин Кутузов прибыть изволили, – доложил седой камердинер в парадной красной ливрее. Мира оторвалась от клавикордов и бросила на меня испуганный взгляд. По-моему, его она боялась больше всего на свете, интуитивно догадываясь об отношениях, которые нас связывали. – Проси. Камердинер исполнил приказание, и через пару минут в гостиную стремительно вошел Иван Сергеевич. Он поклонился присутствующим и тут же сделал комплимент растерявшейся Мире, которая не сумела его принять. – *Quelle belle personne!* – протянул восхищенно Иван Сергеевич. Мира натянуто улыбнулась и закрыла крышку. – Спасибо, – тихо поблагодарила она по-русски. Мира и в самом деле выглядела красавицей, но едва ли это осознавала. Красота ее была дикой и необузданной, экзотической для светлых русских просторов. – Любезный друг, у меня к вам дело, – обратился Иван ко мне. Кинрю и Мира переглянулись. Взгляд Кинрю словно говорил: «Вот, легок на помине!» Я пригласил Кутузова в свой кабинет и велел лакею принести туда два прибора, рассчитывая провести приятельскую беседу за ужином. Кабинет располагался справа по коридору, окнами в сад. По левую сторону пустовали несколько спален. Когда дверь за нами закрылась, мастер сказал: – В ваш дом меня привела трагедия. – Неужели? – впрочем, я не был удивлен. Именно так, чаще всего, и случалось. Кутузов подошел к моему письменному столу, склонился над

ним и принялся рассматривать недавно купленную мной картину Дель Сарто, которую я до сих пор не удосужился повесить на стену. На его лицо падал свет от единственного фонарика, освещавшего комнату. Вообще мой кабинет походил на монашескую келью со стрельчатым сводом в средневековом стиле. Его оживлял лишь оконный витраж, но это не меняло общего впечатления. — Вы знакомы с Андреем Картышевым? — задумчиво осведомился Иван, выпрямившись во весь рост и оставив, наконец, в покое картину без рамы. Картышев был одним из братьев, и я его довольно хорошо знал. — Более или менее, — осторожно заметил я. — Его юную племянницу нашли мертвой в парке у дома. — Кажется, ее звали Татьяной, — неожиданно вспомнил я. — Да, — согласился Кутузов. — Негодяй задушил ее шарфом. — Какое варварство! — ужаснулся я. — Убийцу нашли? — Если бы это было так просто! Вы и должны найти убийцу. Раньше у вас это получалось неплохо! — похвалил он мои способности и похлопал по плечу. — Вам что-нибудь еще известно об этом деле? Кутузов развел руками: — Практически ничего. В матовом свете моего фонарика лицо его выглядело усталым. Он казался много старше своего возраста из-за редких прядей седых волос и изрытого морщинами лба. Кутузов продолжил: — Таня вышла из графского дома никем незамеченной. Ее мать и отец до сих пор гадают, зачем она это сделала. Но так и не могут докопаться до

истины. Так что, дело, мой друг, за вами. Весь Орден заинтересован в раскрытии этого преступления. Видели бы, в каком состоянии находится Андрей Валерианович. Поэтому мы и возлагаем на вас большие надежды. – Когда нашли тело девушки? – Мне было важно знать мельчайшие детали произошедшего, чтобы с самого начала не ступить на неверный путь. – Трое суток спустя покойную обнаружила полиция. А родные хватились только утром, но их поиски, к сожалению, ни к чему не привели, – сообщил Иван Сергеевич, тяжело вздохнув. Он скрестил свои пальцы, на одном из которых красовался тяжелый чугунный перстень с изображением Адамовой головы. Он невольно приковывал мой взгляд, так как прямо-таки кричал о принадлежности своего обладателя к розенкрейцерам. – Я запомню, как звать родителей убитой графини? Иван Кутузов напомнил: – Анна Васильевна и Алексей Валерианович, – в этот момент он заметил мою почту, аккуратной стопкой сложенную на столе. – Я смотрю, что розыск не мешает вашей переписке. Весьма похвально, – Кутузов указал на письмо от швейцарского философа Лафатера. Я кивнул. – Прекрасно, что вы не забываете трудиться над познанием Бога, природы и человека, – сказал он проникновенным голосом и добавил. – Однако мой друг, мне уже пора. На этом мы и расстались с моим учителем, который вышел от меня через потайную дверь, укрытую от посторонних глаз коричневым гобеленом. Я

вернулся в гостиную, где меня все еще ждали Кинрю и Мира. Девушка удобно расположилась на оттоманке, широком низком диване с подушками, заменяющими спинку, в которых она утопала. Мира все еще оставалась в своем прелестном платье из флера. Японец примостился у ее ног, зачитываясь нравоучительным романом Фелиситы Жанлис. Мне приходилось только дивиться, что его увлекает такая литература. Впрочем, Кинрю нередко ставил меня в тупик. Он занимал высокое положение при своем императоре. Однажды только благодаря ему я избежал японской тюрьмы, выполняя одно из поручений своего Ордена. Тем самым Кинрю поставил собственную жизнь под угрозу, и ему пришлось переехать в Россию вместе со мной. На самом деле моего друга звали Юкио Хацуми, но он почему-то называл себя «Кинрю» – золотым драконом. Всем своим знакомым я представлял его как слугу, во избежание никому ненужных пересудов. Кинрю подозрительно посмотрел на меня своими раскосыми глазами, но ни о чем не спросил, справедливо полагая, что, если понадобится, я и сам ему все расскажу, как это случалось уже не раз. – Идите спать, – обратился я к ним и сам последовал собственному совету, отправившись к себе в спальню, которая располагалась на втором этаже моего особняка и выходила огромными окнами во двор. Размышления не давали мне уснуть, так как встреча с Кутузовым подействовала возбуждающе на мою нервную систему. А в связи с тем, что я и без того страдал

бессонницей, ночь мне предстояло провести в наблюдениях за звездами или перечитыванием Бема. В конце-концов я все-таки уснул, пристроившись на канаве под теплым клетчатым пледом из шерсти и уткнувшись затылком в приподнятое изголовье. Утром меня разбудила красавица Мира, рискнув постучаться в незапертую дверь. – Войдите, – позволил я, отбросив в сторону свое слегка помявшееся чтиво, и рассудив легкомысленно, что Бем, очевидно, меня простит. Мира, смущаясь, переступила порог моей обители. В руках она держала поднос с кофейником и фруктовыми бисквитами. Ее стройное смуглое тело скрывал бирюзовый кружевной пеньюар, расшитый настоящими жемчужинами. Она бросила на меня влюбленный взгляд и мечтательно прошептала: – Какие у тебя глаза! Синие-синие, как море! Я не нашелся, что ответить. Девушка впервые обратилась ко мне на «ты». Мира поставила поднос на маленький столик у дивана, который в эту ночь послужил мне постелью, и с достоинством удалилась из моей комнаты. Позавтракав, я переоделся, облачившись в столь нелюбимый мною штатский темно-синий фрак – мундир я не носил, в в связи с тем, что три года, как вышел в отставку, по случаю ранения, едва не стоившего мне жизни в трехдневном сражении при Лейпциге, – и отправился с визитом в семейство Картышевых, испытывая глухую душевную боль. Всегда неприятно беречь раны скорбящего от невозполнимой утраты человека. А здесь

я должен был встретиться с осиротевшими родителями, и от этого мне становилось особенно тоскливо. Я утешал себя тем, что преследую благую цель. Графский особняк располагался на улице Офицерской, почти в двух шагах от Литовского рынка. Улица кипела жизнью, экипажи сновали туда-сюда по каменной мостовой, по своим делам спешили пешеходы. Дом Картышевых представлял из себя трехэтажный каменный особняк, балкон которого поддерживали колонны, опиравшиеся на аркаду первого этажа. Я вошел в него с парадного входа, и лакей поторопился доложить обо мне хозяевам, после чего проводил в паркетную гостиную, отделанную под мрамор. Навстречу мне вышла дородная женщина с заплаканным лицом, одетая в черное шелковое платье с плерезами. По этим траурным нашивкам я догадался, что вижу перед собой мать задушенной девушки, Анну Васильевну. Она была вся в расстроенных чувствах и говорила дрожащим голосом, так как еще не оправилась от горя. Я объяснил ей цель моего визита намерением выразить соболезнования ближайшим родственникам своего друга. – Как это мило с вашей стороны, – печально произнесла Анна Васильевна, утирая слезы носовым платком с вензелями. – Алексей Валерианович в отъезде, все в имении хлопочет. Как уехал после похорон, так и не появлялся больше, – женщина всхлипнула и попросила воды у одной из девушек. – Говорит, в хозяйстве глаз да глаз нужен, – сказала она,

отпивая глоток из стакана. – А сам так страдает, так страдает, не может просто здесь находиться. Я сама, как о Танюшке подумаю... – голос графини прервался, и она залилась слезами. Вокруг барыни засуетились девушки, кто с водой, кто с нюхательными солями. Мне оставалось дожидаться, когда Анна Васильевна придет в себя и сможет продолжить разговор. Я прекрасно понимал, что оставаться здесь в данный момент скорее всего неуместно, но другой возможности встретиться с матерью покойной могло больше и не представиться, так как я никогда не был вхож в эту семью, и поэтому продолжал стеснять графиню своим присутствием, развлекая себя изучением настенных росписей и потолочной лепнины. Наконец Анна Васильевна пришла в себя и, слегка удивленная тем, что я все еще продолжаю быть ее гостем, спросила меня из вежливости, чем может быть мне полезной. Я ответил, что хотел бы ее немного отвлечь от грустных мыслей, отвечая настоятельной просьбе Андрея Валериановича, пребывающего в Москве и не имеющего возможности лично засвидетельствовать ей свое почтение и утешить в такую трагическую минуту. – Если бы что-то могло меня утешить, – грустно произнесла графиня и махнула рукой, отпуская девушек. – Возможно, вы хотели бы поговорить о Татьяне Алексеевне, излить свою душу, рассказать, с кем она была близка, что ее занимало? – Молодой человек, вы так любезны, – она вздохнула. – Говоря *entre nous*, я совсем не понимала свою

дочь. В последнее время она стала такой скрытной. Я никогда не умела угадать, что у нее на уме. К примеру, Таня сблизилась со своей бывшей гувернанткой Харитой Никифоровной и нередко заходила к Бибиковым, где та теперь состоит в услужении, – Анна Васильевна снова утерла платком глаза. – Неужели у нее не было подруг из своего круга? – задал я графине наводящий вопрос. – Ах, да, Нелли Орлова, вы верно о ней слышаны? Ныне она блистает в свете, а раньше... – она махнула рукой. – Впрочем, что говорить? Татьяна познакомилась с ней еще до ее удачного замужества. Я считаю, что Нелли сделала очень выгодную партию. Я и дочери всегда говорила... – внезапно графиня осеклась, видимо сообразив, что наговорила лишнего. – Хотя, – очевидно, поразмыслив, Анна Васильевна решила, что я заслуживаю доверия, – Танечка собиралась замуж за князя Павла Корецкого, так что ее жених ничуть не уступал Орлову. – вдруг она вспомнила, что Тани больше нет, а свадьба уже никогда не состоится, и снова заплакала. – Ну что вы, графиня, полноте, – пытался я ее успокоить. – Господь милостив, надо уповать на него, – но Анна Васильевна оставалась безутешной. – На что мне теперь Господня милость? – всхлипывала она. В конце концов графине все-таки удалось взять себя в руки, и она перестала без устали увлажнять белоснежный батистовый платок. Мы расстались с ней почти что друзьями, и Анна Васильевна даже приглашала

навестить ее разочек – другой. Я как раз, стоя за дверью, раздумывал над тем, как бы познакомиться с Татьяниной горничной, не открывая хозяйке истинной цели своего визита, как в гостиную влетела, едва не сбив меня с ног, расстроенная молодая женщина. Судя по ее наружности, я признал в ней камеристку – француженку. Она сбивчиво и взволнованно принялась объяснять графине причину своего длительного отсутствия, та же, в свою очередь, очевидно, полагая, что незваный гость уже покинул ее владения, принялась упрекать ее в смерти дочери, обвиняя в том, что не доглядела. – Так барышня-то уже взрослая были, – оправдывалась девушка, которую графиня звала мадемуазель Камилла. Я поинтересовался у камердинера, где можно встретиться с мадемуазель Камиллой наедине, и сунул ему в руку несколько гривенников. Он с подозрением осмотрел меня с головы до ног прищуренными глазами, нахмурил брови и изрек простуженным глухим басом, когда я уже потерял всякую надежду дождаться какого-либо вразумительного ответа: – На какой предмет? Я ответил, что не его ума дело. Однако лакей на меня ни капли не обиделся. Подумав немного, старик предложил подождать Камиллу у дверей ее комнаты. – Что вы здесь делаете? – набросилась она на меня, гневно сверкнув ореховыми глазами. – Дожидаюсь вас, – честно ответил я. – Я приняла вас за порядочного человека, – девушка сделала попытку ускользнуть от меня, протиснувшись в

полуоткрытую дверь, но я преградил ей дорогу. – Вы не ошиблись. – Тогда что же вам от меня понадобилось? – сердито вопрошала она. – Да вот, хочу расспросить вас о молодой графине. – Вы из полиции? Я согласно кивнул, справедливо полагая, что если ей и придет в голову пересказать наш разговор Анне Васильевне, она ей в любом случае не поверит. Тогда камеристка пригласила меня войти. Она выглядела испуганной и обеспокоенной, словно что-то скрывала. Я спросил: – Какого числа исчезла барышня и при каких обстоятельствах? – Если вы из полиции, вам и так все известно, – дерзко ответила девушка. – Я хотел бы услышать это от вас. – Ну, хорошо, – горничная, все-таки сдалась. – Это случилось двадцать первого августа. Она вышла из дома поздно вечером, когда все уже спали, поэтому-то ее отсутствия до утра никто и не обнаружил. – В тот трагический вечер лично вы не заметили ничего подозрительного? Губы Камиллы дрогнули, и она коротко сказала, что нет. Камилла скрестила руки на груди, от волнения ее щеки порозовели. Девушка показалась мне смущенной. Я был уверен, что она что-то знает, но по каким-то одной ей ведомым причинам скрывает это от меня. Я задал ей еще несколько вопросов, но в результате перестал уповать на то, что мне удастся ее разговорить. Однако я надеялся, что в будущем Фортуна будет ко мне более благосклонна. Притворив за собою дверь, я, озираясь по сторонам, стал продвигаться к выходу. –

Барин! – возглас старика – камердинера заставил меня вздрогнуть, так как я старался уйти незамеченным. – Идем, я тебя выпущу с черного входа. Он проводил меня по коридору мимо людской и вывел на крыльцо во дворе. Отблагодарив услужливого лакея, я отправился ловить извозчика, чтобы благополучно добраться до Кутузова, так как назрела острая необходимость в его участии, а жил он от Офицерской улицы на довольно приличном расстоянии. Иван Сергеевич встретил меня в белом мундире, звездах и ленте, по всей видимости, собираясь отправиться на какое-то официальное мероприятие, где должны были присутствовать значительные особы. – Мой друг, возникли какие-нибудь сложности? – осведомился он, отодвинув в сторону пюпитр с бумагой и выложив из рук заточенное перо. Голос моего мастера всегда вызывал во мне ощущение какой-то смутной тревоги. Это не был страх, а скорее его предчувствие. – Как продвигается наше дело? – Я вижу, что вы заняты, – сказал я в ответ. – И мне не хотелось бы причинять вам беспокойство. – Я заканчиваю труд о гибели тамплиеров и как раз принялся за последнюю страницу. Так что, Яков, я очень рад встрече с вами. Вы сможете его оценить. – Он протянул мне стопку исписанных листов. Я пробежал глазами по рукописи, которая и в самом деле вызывала невероятный интерес, однако почти сразу же передал ее автору. – К сожалению, мое дело не терпит отлагательств, – улыбнулся я, как бы

извиняясь. — Конечно, конечно, — сказал Кутузов. — Мы все заинтересованы в его скорейшем продвижении. Чем я могу быть вам полезен? Что-то подсказывает, что сегодня вы нанесли мне визит неспроста. — Вы знакомы с Нелли Орловой? — осведомился я. Иван Сергеевич, наморщив высокий лоб, медленно произнес: — Конечно. Прекрасная женщина, настоящая светская львица. Сегодня вечером она устраивает бал-маскарад. — Об этом мне известно, — заметил я. О Елене Николаевне Орловой я и в самом деле был наслышан, но никогда не входил в круг ее близких друзей, а получить приглашение на бал, устраиваемый в ее доме, было не так-то просто. Разумеется, я мог бы попробовать раздобыть пригласительный билет, и моя попытка, возможно, и увенчалась бы успехом, если бы бал состоялся на неделе или, в крайнем случае, завтра, в любой другой день, но только не этим вечером. Теперь же все возможности были упущены, и я в любом случае не успевал ко времени при всем своем желании. Поэтому я и явился к всемогущему Кутузову просить о помощи. — А в чем же дело? — поинтересовался Иван Сергеевич. — Мне любой ценой необходимо попасть на этот бал и встретиться с Нелли. — Я постараюсь вам это устроить, — пообещал Кутузов. Он лично проводил меня до дверей и, прощаясь, сказал, что с его работой я смогу более детально ознакомиться на собрании логи. Итак, я наметил себе три пути, посредством которых намеревался продвигаться

в своем расследовании. Меня интересовали, в частности, три персоны, с которыми я еще не успел познакомиться: гувернантка Харита, князь Корецкий и блистательная Нелли Орлова. Оставалось лишь сделать выбор, с кого начать, но Судьба распорядилась самостоятельно, непосредственно в лице Ивана Кутузова, который пообещал мне свое горячее содействие. Поэтому я и решил для себя, что в первую очередь отправлюсь к Елене Николаевне, если мастер соизволит выслать мне приглаательный билет. А так как мне не приходило в голову сомневаться в его возможностях, я отправился домой готовиться к маскараду. Мира прогуливалась в английском парке, примыкавшем к особняку. Она стояла под раскидистым деревом и вертела в пальцах кленовый лист. – Я чувствую опасность, – сказала Мира, когда я подошел к ней на достаточное расстояние, чтобы ее услышать. Впрочем, в ее словах не было ничего необычного, у себя на родине она славилась как гадалка, предсказания которой всегда сбывались. – Откуда она исходит? – искренне поинтересовался я. В братстве меня научили верить в оккультные науки, поэтому я ничуть не сомневался в ее способностях. – Пока не могу сказать ничего определенного, – Мира пожала красивыми плечами, слегка оголенными по европейской моде. Сегодня она решила обойтись без своего обычного сари, но и парижские наряды ей очень шли. Мы вышли из парка под руку, оживленно беседуя. Я радовался этой перемене

в ее настроении, так как нуждался в дружеском участии. Мира умела меня поддержать, как никто другой. Здание дома, в котором я имел счастье коротать свои мирные вечера, имело колонный портик с треугольным фронтоном. Я всегда питал слабость к античной архитектуре и потому не мыслил родного жилища без ее классически стройных мотивов. В столовой меня уже ждал сервированный стол, где пряные восточные закуски гармонично перемежались с изысканными французскими блюдами. Я был уверен, что и тут без Миры не обошлось, поскольку она добровольно взяла на себя обязанности экономки. Только одна Мира справлялась с моими строптивыми людьми и делала это с непременным успехом. Я неизменно представлял ее в свете как мою гостью с Востока, но знал, что о ней уже пошла дурная молва, однако ничего не мог с этим поделать. Расстаться с Мирой было выше моих сил и возможностей, поэтому я эгоистично продолжал держать ее подле себя. К тому же я знал, что она на это не согласится. Кинрю куда-то запропастился, и мы пообедали вдвоем в огромной пустой столовой. – Вы куда-нибудь собираетесь этим вечером? – поинтересовалась индианка, поглощенная созерцанием столового серебра. Она старалась выглядеть безразличной, но ей это совершенно не удавалось. – Да, – я кивнул. – У меня большие планы на вечер, и я остро нуждаюсь в твоей помощи. – Я польщена, – ответила Мира, но мне показалось, что я уловил в ее голосе ироничные

нотки. – Нелли Орлова устраивает бал-маскарад, – сообщил я ей. – Это не новость, – усмехнулась девушка. – Она устраивает балы едва ли не каждую неделю. Нелли мне не нравится, – добавила Мира и категорично заключила: – Пустая женщина! Я улыбнулся: – Ты же ее совсем не знаешь. – Я достаточно наслышана, – сказала индианка. – Так что же требуется от меня? – Подобрать мне подходящий костюм. Только и всего, – на ее лице я заметил тень разочарования, которая тут же развеялась, уступив место привычно бесстрастному выражению. – Это несложно, – сказала она. – Я пошлю кого-нибудь к месье Жано, а сама займусь чем-нибудь более полезным. Мира покинула столовую, оставив меня наедине со своими размышлениями. Я спрашивал себя, кому могла понадобиться жизнь молодой графини, и не находил ответа. Мне оставалось надеяться, что встреча с Нелли прольет свет на эту загадочную историю. Я вернулся в свой кабинет и снова открыл тетрадь в бархатном переплете, в которую так до сих пор и не удосужился внести ни одной строки, взял гусиное перо из стеклянного стакана и обмакнул его в чернила. Слова полились на бумагу сами собой. Спустя полчаса в дверь постучала Мира, я позволил ей войти, оторвавшись от своей рукописи. – Почему вы ничего не рассказываете мне о том, чем сейчас заняты? – обиженно спросила она. Я и сам не знал, что ей ответить. Обычно я всегда делился с Мирой своими наблюдениями, в пределах возможного,

конечно. Но в памяти моей все еще звучали слова Кутузова, прочитанные им из священного устава в день, когда я отрекся от жизни обычного непосвященного смертного: «Бойся наказаний, соединенных с клятвопреступством...» Однако Мира ни разу не заставила меня пожалеть о своей откровенности, к тому же я смутно чувствовал, что ей известно куда более, чем она старается показать. – Я должен найти и покарать убийцу невинной девушки, – решился я приоткрыть ей тайну происходящего. Впрочем, я не был уверен, что девушка эта и впрямь не замешана в чем-либо преступном. – Я так и знала, – взволнованно воскликнула Мира. – Так и знала, – приглушенно повторила она, широко распахнув свои черные глаза, из которых смотрела ночь. – Смерть прячется где-то рядом, – пророчески произнесла индианка. – Я скоро вернусь, – сказала она и вышла. От ее слов мне стало как-то не по себе, несмотря на то, что я был готов ко всяким неожиданностям и нередко заглядывал в лицо костлявой старухе с косой. Не успела за Мирой закрыться дверь, как явился лакей доложить, что приехал посыльный от господина Кутузова. Я велел проводить его в гостиную, где он и передал мне приглашенный билет к Орловой, запечатанный в красивый конверт. Он покосился на Миру, которая возлежала на оттоманке, разложив кругом себя астрологические таблицы, и представляла собой весьма экзотическое зрелище. Когда посыльный ушел, Мира заговорила: – «Панчак» говорит, что вы

разыщите убийцу, — обнадеживающе сказала она, ткнув пальцем в одну из таблиц. — А там не сказано, как его имя? — усмехнулся я, склонившись над ее астрологическими атрибутами. — Нет, не сказано, — Мира восприняла мой вопрос всерьез. — Но можешь быть уверен, речь здесь идет о деньгах, об очень больших деньгах, — сообщила она многозначительно. К вечеру мне доставили пару костюмов от месье Жано. Я должен был выбрать, предстать ли перед Нелли в образе испанского кабальеро или облачиться в мадьяра. Я все-таки предпочел испанца и довольно легко перевоплотился в дона Фернандо. Мира собственноручно водрузила мне на голову бархатный берет, украшенный перьями и бриллиантами. Мой взгляд случайно скользнул по зеркалу, и я едва не рассмеялся, увидев себя в таком облиции. На мне красовались пышные, но короткие штаны, узкая куртка со стоячим воротником, застегнутая спереди, с висячими откидными рукавами и наплечными валиками, благодаря которым мои плечи выглядели неестественно широкими. Особенно смешными, на мой взгляд, были накрахмаленные складчатые брыжи, от которых Мира пришла в настоящий восторг. Картину довершали высокие высокие узкие сапоги из белой кожи, заходящие за колено. Я скорее укутался в длинный черный плащ, лишь бы не видеть этого кошмара. Меня утешала единственная мысль, что лицо мое будет скрыто под бархатом элегантной маски, и я, очевидно, останусь неузнанным. Карета,

запряженная четверкой породистых лошадей, подвезла меня к сверкающему подъезду дома Орловых. Я миновал швейцара и оказался в парадном зале, окруженный толпой народа. Почти все гости были в маскарадных костюмах, а иные просто скрывали лицо за масками. Только сама хозяйка не прятала свою внешность, а выступала, как королева, среди зеркал по навощенному паркету. Она была удивительно хороша в атласном мареновом роброне, широком и длинном платье со шлейфом. Ее послушные белокурые волосы были уложены локонами в прическу *a la Ninon*. И вот, наконец, зазвучала музыка. Пары закружились в вальсе, который затем сменила мазурка. Но танцы в данный момент интересовали меня меньше всего, я непременно хотел переговорить с хозяйкой этого гостеприимного дома. И тут я услышал разговор, который в ту же минуту привлек мое внимание. Два гвардейских офицера обсуждали несостоявшуюся дуэль. Сам этот факт вряд ли мог меня заинтересовать, но мне показалось, что один из них упомянул имя князя Павла Корецкого. Я прислушался, офицеры говорили приглушенными голосами, но все же я мог разобрать их шепот. – Рябинин едва не стал секундантом Корецкого, – распинался один из них. – Я знаю Сергея. С каких это пор, господа, он дружен с князем? – дивился другой. – Так или иначе, но дуэль не состоялась. Секунданты уладили дело миром. – Говорят, что Корецкий хотел стреляться из-за... – в этот момент говоривший отвлекся,

глянув на даму в малиновых кружевах. – Какая ножка! – воскликнул он полусшепотом, едва заметно кивнув в сторону маленькой узконосой туфельки, краешком показавшейся из-под платья, и разговор потек совсем в ином русле, нежели мне хотелось бы. Поэтому я так и не узнал, из-за чего Павел Корецкий едва не стал участником почти узаконенного кровопролития. Для себя я решил, что при первой же возможности познакомлюсь с Сергеем Рябининым. Этот вопрос засел у меня в голове, как заноза. Я надеялся, что если мне удастся докопаться до истинных причин, побудивших жениха Татьяны взяться за оружие, то я смогу и разгадать загадку ее таинственной гибели. Я отошел от стены, где простоял почти половину бала, и направился в сторону Нелли, которая смеялась в окружении толпы поклонников, наперебой восхищавшихся ее несомненными достоинствами. – Дозволите ли пригласить вас на котильон? – обратился я к ней, прижимая к груди берет. – С огромным удовольствием, – сказала Нелли, вставая. Я не был удивлен столь легкой победой, потому что уже к двадцати годам заметил, что редко какую женщину оставляет равнодушной моя наружность. По молодости я был этим польщен, но с годами стал тяготиться таким вниманием со стороны слабого пола, так как считал, что меня занимают вещи куда более серьезные, чем пустые светские страсти. Однако я научился использовать свое очарование, когда того требовали

особенные обстоятельства, оставаясь при этом человеком чести и не выходя за рамки дозволенного. – Вы избавили меня от скуки, – благодарно добавила хозяйка дома. Мы с вами знакомы? Ее жаркий взор пронизывал меня насквозь, Нелли просто жаждала узнать, кем же я являюсь на самом деле. Мне показалось, что она была бы очень разочарована, если бы могла догадываться, что я интересуюсь только ее подругой, чья смерть, очевидно, ее не очень-то и печалила. По крайней мере, носить по ней траур она явно не собиралась. – Я чужестранец, – ответил я. – И видимся мы впервые. – Так как вас зовут, благородный кабальеро? Губы Нелли слегка тронула едва уловимая улыбка. Она подняла голову, пытаясь заглянуть мне под маску. Однако ее намерение не увенчалось успехом. Я представился: – Дон Фернандо. – Вы божественно танцуете, дон Фернандо, – заметила Елена Николаевна. – С вами легко танцевать божественно, – ответил я любезностью на любезность. Тур за туром я осыпал ее комплиментами, к которым моя дама в силу своей красоты уже успела привыкнуть, но тем не менее неизменно приходила в восторг. Я ангажировал ее на следующий танец, и мы разговаривали уже как давние знакомые. Наконец, я уединился с ней у одной из колонн и попробовал расспросить о графине Татьяне. При звуке ее имени Нелли изменилась в лице, краска схлынула с ее щек, а фиалковые глаза померкли. – Разговоры о смерти навивают тоску, – печально произнесла она. – Бедняжка,

она была еще так молода. — Вы были подругами? — Да, сударь, — согласилась Нелли. — Однако почему вас так интересуется эта несчастная девушка? Вы были в нее влюблены? — предположила она. — Нет, право же, вы ошибаетесь, — поспешил я ее разубедить. — Просто меня ужасает, что в столице можно так вот легко задушить человека, женщину, даму из высшего общества. И при этом полиция бездействует. — Вы правы, это ужасно, — произнесла Елена Николаевна дрожащим голосом, но я больше не хочу об этом говорить. Давайте оставим эту тему, — предложила она. Это не входило в мои намерения, но возражать я не стал, потому что страшился спугнуть ее своим навязчивым интересом. Я заговорил о другом. Через час мы уже обсудили с Нелли всех ее гостей и перебирали косточки ее ныне здравствующим подругам. Я пришел к выводу, что моей милой Мире и в этот раз не изменила ее обычная проницательность. — Я должен с вами проститься, — сказал я грустно. — Могу ли я надеяться вновь вас увидеть? — Вы так и не сняли маски, — укорила она меня в ответ. — Вы сможете рассмотреть мое лицо при новой встрече. — Завтра в моем доме приемный день, — сказала Нелли. — Буду рада вас видеть. Маскарад я покинул, возлагая огромные надежды на грядущее рандеву и вполне довольный собой. Отправляясь в гости к Орловой, я получал возможность выяснить у нее новые обстоятельства гибели графини, а заодно и расспросить ее о Рябинине, в связи с тем, что не

мог отрицать вероятность их знакомства.

II

Ночь я провел в тревожных сновидениях. Морфей навеивал картины одна страшнее другой, участниками которых были я, Мира и Кинрю, от присутствия которого мне невозможно было избавиться даже в своих кошмарах, так как он с некоторых пор вменил себе в обязанность стать моим бессменным ангелом-хранителем. Я видел и графиню Татьяну в ее предсмертной агонии, видел ее мучителя, лицо которого было скрыто тьмой, и мертвенный лунный свет, оказавшийся не в силах развеять ее бархатный занавес в россыпи мерцающих далеких созвездий. Я проснулся, обливаясь холодным потом. Стены любимого кабинета казались мне чужими, за окнами едва забрезжил рассвет. Я и сам не помнил, как умудрился минувшим вечером уснуть, не дойдя до постели. Хотя и редко, но такое случалось: кабинет служил мне столовой, и спальней, и даже гостиной. Ночью, когда часы пробили двенадцать, я все еще размышлял над тем, что сумел выяснить за день, и не спешил покинуть мою обитель. Я и не заметил, как сон сморил меня, и я очутился в плену смутных, пугающих видений. Свечи в бронзовых резных подсвечниках догорели, перестав ронять блики на стены, затянутые неярким шелком. Я оставил свое неудобное ложе и вышел в коридор, собираясь подняться в спальню и поспать хотя бы пару часов. У лестницы меня

подстерегал неутомимый Кинрю. Его тень выскользнула из-за угла так неожиданно, что я едва не принял японца за призрака. – Что ты здесь делаешь? – возмутился я, все еще отчасти встревоженный его столь внезапным появлением. – Дожидаюсь вас, – на его губах играла обычная улыбочка, к которой я, признаюсь, успел привыкнуть с тех пор, как вместе с ним и Мирой вернулся с Востока, где по заданию Ордена мне пришлось провести довольно долгое время еще накануне Наполеоновского вторжения. Однако цель своей миссии открывать не имею права, ибо носила она характер секретный, и замешаны в этом деле были персоны весьма влиятельные. – Чему обязан высокой честью? – поинтересовался я, немного успокоившись. – Я слышал, вы взялись за новое расследование? – Кинрю скорее утверждал, чем спрашивал, и я догадывался, кто мог послужить ему самым верным источником информации. К счастью, Юкио я тоже мог полностью доверять. Я ответил, что Мира всегда знает то, о чем говорит. – Я только хотел предложить свою помощь, – добавил Кинрю, в чем, собственно, я и не сомневался. Выспаться мне все-таки удалось, и я спустился в столовую в прекрасном расположении духа, полный сил и веры в успех своего нового предприятия. Мира была очаровательна, как никогда, но малоразговорчива. Я знал, что в такие минуты индианку лучше всего оставить в покое, позволив предаваться своим тяжелым воспоминаниям без помех.

Она витала в мире вечнозеленых джунглей, древних богов, погребальных костров, жертвоприношений, мистических песнопений. Вряд ли в данный момент Мира была способна воспринимать действительность. Плотнo позавтракав, я переоделся, спрятал концы шейного платка за пестрый жилет и отправился осматривать место преступления. До парка на Офицерской улице я добрался пешком, потратив часть пути на бесплодные размышления, так как до сих пор так и не умудрился взять в толк, кому помешала Татьяна Картышева, любовно именуемая «нашей графинюшкой» в домашнем кругу. День выдался солнечный, в воздухе пахло свежестью и лесом. Роковой для графини парк встретил меня раскидистой зеленью огромных дубов, ароматом древесной смолы и тихим шелестом листвы. Я осмотрелся, ничто не выдавало недавно разыгравшейся здесь трагедии. Невольно мне вспомнился мой кошмарный сон, и стало как-то неуютно, промозгло в казавшемся до недавней поры таким милым парке. Я счел, что сон привиделся мне не даром, предупреждая об открытии, которое неизбежно должно будет направить меня по верной стезе. С тех пор, как Орден протянул мне свою твердую руку в лице Кутузова, я перестал доверять случайностям, поверив в высший Господний промысел и установленный порядок вещей. Пробираясь через кустарник, я споткнулся, зацепившись за корень носком черного сапога, еле успел опереться рукой о землю, чтобы совсем не упасть, и тут заметил

что-то блестящее. Я разгреб руками опавшую листву и сухие обломанные ветки, подняв с земли эмалевое кольцо, в оправе которого красовался, насколько я мог судить, довольно дорогой темно-синий сапфир. «Нешуточный камешек!» – пробормотал я чуть слышно, разглядывая его на свету. Сапфир был прекрасно огранен и играл в солнечных лучах всеми цветами радуги. Я решил, что если мне повезет, и бывшим владельцем этого перстня окажется убийца, у меня появится великолепный шанс установить его личность, поэтому я спрятал кольцо в карман сюртука. Вернувшись домой, я зашел в кабинет, закрылся на ключ и повернул на стене картину Гвидо Рени, за которой располагался встроенный в стену тайник, о существовании которого в особняке не догадывался никто, включая и Миру. Я вынул из него пустующий палисандровый ларец, инкрустированный мозаикой маркетри и отделанный изнутри темно-вишневым бархатом, и положил в него свою драгоценную находку. Шкатулка хранилась в тайнике как раз для таких вот целей, однажды мне довелось прятать в ней даже императорскую печать, но, к моему великому сожалению, я пока не имею возможности осветить эту запутанную историю более подробно. Я положил свой ларец обратно и вернул картину на прежнее место. Взгляд мой упал на фарфоровые часы, которые поддерживала консоль, выступавшая из стены. Они сообщили мне, что близится час моего свидания с Нелли, к которому я

решил подготовиться как можно более основательно, ввиду того, что собирался вскружить легкомысленную голову этой неприступной светской красавицы. Вряд ли я мог бы объяснить, с чего это я счел, что она у нее именно легкомысленная. Вероятно на меня повлияли бальные впечатления и безжалостные рассуждения Миры, которая о ком угодно обычно высказывалась откровенно и без какого-либо снисхождения. Итак, мне предстояло предстать перед Еленой Николаевной Орловой без своей ослепительной маски, но я не сомневался в силе собственного обаяния и потому не испытывал особого волнения, хотя и возлагал на встречу с ней большие надежды. По дороге к Нелли я приказал извозчику остановиться у небольшой цветочной лавки, где приобрел для своей обольстительной подопечной целый букет самых дорогих и изысканных камелий. Белокурая барышня в темно-синем платье не уставала нахваливать мой вкус, перевязывая атласной лентой кипельно-белые цветы. Невольно мне вспомнилась легенда о прелестнице, лишенной жестокими богами души, которая была обращена в утратившую аромат камелию. Мой выбор показался мне символичным, и, довольный собою, я велел вознице следовать дальше по намеченному маршруту. Тучный лакей, не замеченный мною в прежний визит, проводил меня к Елене Николаевне по широким ступенькам мраморной лестницы, устланной узорным ковром. Сегодня Нелли принимала в гостиной,

где располагались большие карточные столы. Кажется, я пришел как раз ко времени, так как игра была в самом разгаре, а гости полны азарта и воодушевления, и кое-кто в угаре и пылу готов был поставить на кон собственную жизнь. В одном из игроков я узнал титулярного советника, виденного мною на одном из наших собраний. Чем, интересно, он заслужил высокую милость быть приглашенным в это великосветское общество? Кстати, я познакомился с Иваном Сергеевичем Кутузовым как раз на одном из таких приемов. Я поклонился хозяйке, которая вышла поприветствовать вновь прибывшего гостя. Она была задрапирована в индийскую кашемировую шаль, которая только подчеркивала ее безукоризненную фигуру. – Яков Кольцов, – представился я и встретился с взглядом ее лучистых глаз. Нелли немного смутилась, и на ее лице отразилось непонимание. – Не припомню, где... – начала было она. – Дон Фернандо, – поправился я. – К вашим услугам! Елена Николаевна виртуозно справилась с недоумением и любезно промолвила: – *Charme de vous voir!* Честно говоря, я не вполне был уверен в искренности ее красивых слов, которыми она стремилась показать свое радушие и гостеприимство. Впрочем, я готов был допустить, что она действительно рада меня увидеть. На маскараде об этом недвусмысленно говорили ее чудесные глаза в обрамлении золотистых длинных ресниц. – Вы не разочарованы? – Без маски, сударь, вы не только ничего

не потеряли, – заявила Нелли, – а, напротив, скорее, приобрели. Она не успела произнести последние слова, как лакей передал ей камелии, где была спрятана моя записка, написанная заранее и вложенная в букет прямо в экипаже. Дамы зашептали: – Как мило! – *Charmante!* – слышалось со всех сторон. Нелли изогнула свои прекрасные брови и извлекла из цветов листок атласной бумаги с моей монограммой. – Очаровательно, – произнесла светская львица и склонилась ко мне, коснувшись воздушным локоном моей щеки. – Благодарю, – прошептала она. Ласкающий тембр ее голоса многое обещал. В этот момент появился новый посетитель, о котором объявил все тот же круглолицый лакей. Я ушам своим не поверил, когда услышал: – Сергей Рябинин. Имя визитера навело меня на мысль, что день сегодня и впрямь выдался прямо-таки несказанно удачный, мало того, что я перстень эмалевый подобрал на месте убийства, так еще и встретился vis-a-vis с несостоявшимся секундантом. Вернее, вот-вот эта знаменательная встреча произойдет! Под звон шпор, сверкая эполетами и аксельбантами, в гостиной Нелли стремительно возник высокий черноглазый кавалергард с нафабренными усами. – День добрый, – кивнул он, приветствуя присутствующих. Елена Николаевна, успевшая к этому моменту избавиться от моего букета, выступила вперед в своем бледно-лиловом обворожительном наряде. Она словно тонула в волнах муслина, поразительным

образом оттенявшего ее волшебные фиалковые глаза. – Сергей Арсеньевич! – воскликнула Нелли, виртуозно исполняющая обязанности хозяйки. – Как любезно с вашей стороны заглянуть к нам на огонек, – почти пропела она своим нежным высоким голоском. – Я в любом случае обязан отыгаться, – пожал плечами Рябинин. «Не очень-то он любезен», – подумал я. Сергей подошел к карточному столу, к которому было приковано внимание почти всех присутствующих. Банк метал князь Герман Труновский, Рябинин стал против него понтировать. На лицах обоих застыло напряжение. Труновский был высок, хорош собой и всегда галантен. Несмотря на то, что он носил штатский костюм, в нем чувствовалась военная выправка. Герман смотрел на Рябинина холодными стальными глазами, от взгляда которых любому становилось не по себе. Но, по моим наблюдениям, ввиду легкомыслия, или чего-либо другого, особого впечатления этот высокомерный взгляд на офицера не произвел. Он поставил на свою карту семпелем триста рублей. Направо лег туз, налево дама. Рябинин открыл свою карту: – Выиграла! – его и без того приятное лицо преобразила счастливая улыбка. Труновский достал из кармана три банковских билета и расплатился. Рябинин принял свои деньги, но от стола не отошел. Кажется, всем светским удовольствиям он предпочитал прелести бостона, виста и фараона. Я дождался следующей тальи и тоже подошел к карточному столу. Труновский уступил свое

место Сергею и вышел, вероятно, для того, чтобы утолить свою жажду лимонадом, в доме стояла страшная духота. Рябинин взял в руки колоду, стасовал ее и начал метать. Я поставил карту и написал над ней мелом пятьсот рублей. Направо выпал валет, налево тройка. В этот раз моя карта выиграла. Рябинин рассчитался со мной, но игры я не прекратил. В карты везло мне всегда и безоговорочно, в Ордене я не только освоил мистические науки, но и приобрел некоторые другие навыки, хотя никогда не использовал их без особой на то нужды. Я загнул пароли, затем пароли-пе и в итоге остался в приличном выигрыше. Сергей Рябинин заметно занервничал, его цыганские глаза загорелись каким-то лихорадочным блеском. Когда он со мной рассчитывался, его руки слегка дрожали. Чуть позже ко мне подошла Нелли с просьбой от него – отыгаться. Именно этого-то я и добивался! Мы распечатали две новые колоды, оказавшись в центре внимания понтеров. К моему удовольствию, Рябинин подряд побил три мои карты и полностью взял у меня реванш. – Вы не в обиде? – спросил у меня Сергей за бокалом шампанского. – Игра есть игра, – философски заметил я. В конце концов мы стали с Рябининым настоящими приятелями и проговорили весь вечер, обсуждая присутствующих, как заправские сплетники. Мне показалось, что Нелли даже слегка приревновала меня к кавалергарду. Вот уж не ожидал! Наконец разговор зашел о дуэлях, и я намекнул ему,

что мне кое-что известно об истории с Корецким. – Князю не повезло, – справедливо рассудил Рябинин. – Случай пренеприятнейший! И с таким благородным человеком! Более он ни словом не обмолвился о несостоявшемся поединке. – Я, к сожалению, не знаком с Корецким, – признался я. Рябинин сглотнул наживку и предложил представить меня князю Павлу Корецкому. Само собой разумеется, что от такой возможности я не отказался! Понемногу игроки стали разъезжаться, и игра сходилась на нет. Наконец настал тот час, когда и Рябинин решил покинуть это великосветское общество. Мы условились с ним о встрече у меня дома и на этом распрощались. Гостиная Орловых опустела, я все еще не спешил откланяться, уповая на приватный разговор с Нелли, которая, судя по всему ждала от меня каких-то объяснений, видимо, посчитав одним из своих многочисленных наивных поклонников, кружить головы которым доставляло ей огромное удовольствие. Впрочем, я не слышал, чтобы у нее был какой-то явный любовник. Хтя... Кто разберет светскую женщину?! Нелли переоделась и снова вышла в гостиную. В этот раз она облачилась в легкое платье из льна цвета чайной розы, расшитое золотыми нитями. Елена Николаевна скользила, как нимфа, в своих легких туфлях без каблука по прямоугольным паркетным плитам. – Яков, вы о чем-то хотите поговорить со мной наедине? – догадалась она. – Absolument! – я согласился и присел в мягкое

лакированное кресло с низким сиденьем. Нелли позвонила, дернув за бисерный змеевидный шнур в простенке. На ее зов буквально из ниоткуда возникла молоденькая горничная в белом переднике с толстой соломенной косой, довольно высоко уложенной на затылке. – Арина! Мороженое и фрукты! – велела барыня, хотя язык не поворачивался назвать Елену Николаевну этим русским старинным словом. Ее голос звучал по-хорошему красиво, властно. Пожалуй, на своем веку я не встречал более уверенной в себе и пленительной женщины. Арина почти мгновенно выполнила прихоть Нелли. – Итак, – обронила Орлова и окинула меня взглядом настоящей заговорщицы. Мысленно я усмехнулся: «Женщина до мозга костей! Ликует в душе, очередную победу празднует над смазливym ловеласом». И постарался не обмануть ее ожиданий. Изобразив из себя мученика, соорудив довольно кислую физиономию, я начал изливать свою душу, стараясь говорить как можно напыщеннее и поэтичнее: – Я так одинок! – мне удалось выдавить из себя таинственный и печальный вздох. – Некая дама разбила мне сердце, выскочила замуж и уехала в имение с законным супругом, оставив меня предаваться любовной печали и страдать. Моя рана едва успела зарубцеваться, как не далее, чем вчера, я встречаю вас! Я чувствую, что погиб! Я распалялся все больше и больше, понимая, что новая роль пылкого влюбленного, похоже, удастся на славу. Однако я ощущал, что все же чего-то не хватает,

пожалуй, какой-то малой толики искренности, так как не мог заставить себя хотя бы чуть-чуть увлечься Нелли на самом деле. Она должна была мне поверить, но с ее-то чутьем! Для пущей убедительности я взял ее руку в свою, она ее не высвободила. Ладонь у Елены Николаевны была влажная и холодная, словно покрытая змеиной кожей. Я и сам не понимал почему, но эта прекрасная женщина была мне неприятна. – Чего же вы от меня желаете? – учтиво вопрошала она, не теряя при этом своего светского достоинства. – Надежды, – промолвил я, коснувшись губами ее пальцев, унизанных золотыми перстнями. Елена Николаевна повела плечами и игриво пообещала: – Посмотрим! Оторвавшись от ее руки, я налил нам по бокалу вина из бутылки, захваченной предусмотрительной Ариной вместе с мороженым. Должен заметить, что шамбертен – это напиток богов, и я не откажусь от этого своего утверждения даже под пыткой. Нелли сделала пару глотков, и ее щеки порозовели, а темно-голубые глаза подернулись загадочной прозрачной поволокой. Она слегка приоткрыла рот, словно приготовившись к поцелую. Чего хочет женщина, того хочет бог! Я всегда верил в справедливость этого постулата, так что не мог обмануть ожиданий Елены Николаевны. – А вы смелы! – заметила она. Однако трудно было определить, восхищает ее моя амурная отвага или вызывает заслуженное праведное негодование. – Просто я прежде никогда не встречал такой прекрасной женщины! С вами не сравнится

ни одна дама из общества, – я исподволь старался подвести ее к разговору о Тане. Мне не хотелось причинять ей боль, но я извинял себя тем, что действую в интересах справедливого дела. Никогда бы я не осмелился играть чувствами женщины, если бы не испытывал к ней предубеждения. И тем не менее, несмотря на все свои тщетные попытки оправдания, я испытывал угрызения совести, которые добросовестно старался подавить, но из этого мало что выходило. Однако я почему-то был уверен, что Орлова ни в коем случае не захочет говорить о Картышевой. Хотя бы потому, что убийство – не тема для салонной беседы. – Сударь, вы лицемерите! – неожиданно заявила Нелли. – Весь Петербург говорит о вашей индианке! Это был один из тех немногих случаев, когда мой идеальный план провалился с треском. Ну кто же мог знать, что сударыня наслышана о нашей скромной персоне! Тогда зачем же она со мной играет? Я, конечно, неотразим, но не до такой же степени! «Туше!» – мрачно констатировал я, судорожно соображая, какой шаг предпринять в сложившейся пренеприятнейшей ситуации. – Вы говорите о Мире? – Мой вопрос, в общем-то, получился бессмысленным, так как ответ на него был просто очевиден. – Разумеется, – усмехнулась Нелли и отправила в рот внушительную порцию фруктового десерта. Как она ест, мне тоже не нравилось, и от того Елена Николаевна все больше теряла в моих глазах. «Львица» легко угадывала эту неприязнь своим врожденным, я бы

даже сказал, биологическим инстинктом, вопреки тому, что я всеми силами старался скрыть свои ощущения, а может быть, напротив, именно благодаря этим моим бесплодным усилиям. – Мира – моя экономка, – я скромно потупил глазки, сделав вид, что внимательнейшим образом изучаю свои новые бальные туфли. В конце концов, пусть думает, что хочет. – Конечно, – неожиданно согласилась Нелли. – Как же я раньше не догадалась? У вас, дорогой Кольцов, – обратилась она ко мне, не скрывая своей ядовитой иронии, – довольно экзотический вкус! Не можете обойтись без аффектации! В голову мою невольно по-прежнему лезли весьма нелестные для дамы сравнения со змеями или скорпионами. Я должен был признать, что восточный вояж все-таки оставил в моей душе самые что ни на есть неизгладимые впечатления. – Ну... – признаюсь откровенно, я был растерян. – От меня-то вы что хотите? – перебила она меня. – Актер-то из вас, Яков Андреевич, весьма никудышный, – безапелляционно заявила Нелли. Я должен был сознаться, что, пожалуй, недооценил дражайшую Елену Николаевну и перестал изображать из себя влюбленного идиота. – Погибла ваша подруга, – начал было я. – И что? – спросила она довольно холодно. И без лорнета было заметно, что разговор ей ужасно неприятен. – Вы упоминали Татьяну уже неоднократно! У вас какой-то свой, особенный интерес? – невозмутимо поинтересовалась Елена Николаевна, потягивая из бокала шамбертен. – Ее дядя

– мой близкий друг, – я немного лукавил. – И мне бы хотелось разобраться в этом деле. – И поэтому вы решили возложить на себя полицейские обязанности?! – изумилась она. – Вот уж действительно, до чего только не доводит скука, – сказала Нелли едва ли не с презрением. – Да что вы о себе возомнили?! – воскликнула она взволнованно. – Уж не числюсь ли я у вас в подозреваемых? Я рассмеялся так громко, как только мог, прекрасно понимая, что кто-то, а Кутузов нисколько не одобрит эту мою игру с Орловой. – Слишком громко сказано! – заверил я мою несостоявшуюся любовницу. Впрочем, я и не собирался заходить настолько далеко. – Вы преувеличиваете, – добавил я. – Мне вовсе не пристало изображать из себя сыщика-любителя. И тем не менее я хотел бы выяснить, что же произошло. Думаю, и вам, ее ближайшей подруге, это тоже должно быть небезынтересно, – ее нежелание разговаривать наводило на странные подозрения. Неужели к гибели графини может быть причастна Елена Николаевна? Все-таки эта мысль никак не укладывалась в моем сознании. – Конечно, интересно – Нелли взяла себя в руки и согласилась. – Вы не заметили в ее поведении накануне гибели ничего подозрительного? – Кажется, она с кем-то встречалась, – сообщила Нелли, нервно теребя своими изящными пальчиками часовую золотую цепочку, обвитую вокруг шеи. – С Павлом Корецким? Нелли покачала головой и тихо промолвила: – С кем-то еще. Дело

становилось все занимательнее, с каждой минутой я все более жаждал узнать имя ее таинственного поклонника. – Так назовите же его! – воскликнул я и тут же пожалел о своем порыве. – Мы с Татьяной не были настолько близки, как Вы себе вообразили! – возмутилась Елена Николаевна и наконец выпустила из своих холеных ручек цепочку. Она приоткрыла крышечку часов, взглянула на циферблат и захлопнула ее со щелчком. – Она не обнажала своей души и не доверяла мне свои сердечные тайны. Может быть, только намекала, – Нелли развела руками. – И все же, – я продолжал настаивать, уверенный, что Орлова недоговаривает, чем окончательно вывел из себя Елену Николаевну. – Я думаю, ваш визит подошел к концу, – заявила она бесцеремонно. – Неужели вы не понимаете, что компрометируете меня? Ведь я замужняя женщина и должна оберегать свою репутацию, особенно в отсутствие мужа. Так что прошу меня извинить, – Елена Николаевна дернула за шнурок, и я не успел опомниться, как был выпровожен расторопной Ариной к выходу, где каменным изваянием застыла фигура седоусого швейцара. Выходя из подъезда, я столкнулся с экипажем, который едва не сбил меня с ног, и это мне совсем не понравилось. Кажется, у меня постепенно начала развиваться мания преследования, что, впрочем, при моем образе жизни было не удивительно. Имя Евграфа Петровича Бибикова было мне хорошо известно, более того, я знал, что он тоже входит в одну из масонских

лож. Уверен я не был, но предполагал, что в Общество «Ищущих манны», поэтому вполне серьезно рассчитывал на его содействие, так как братья всегда помогали друг другу, камень за камнем воздвигая свой Божественный храм. Я поймал извозчика и отправился в гости к генералу, который проживал недалеко от Бердова моста у речки Пряжки. При мне была орденская печать с эмблемой дикого камня, которую я собирался предъявить ему в доказательство моих слов. У парадного входа меня встретил лакей в ливрее, поблескивая серебряными пряжками на туфлях, от чего я почувствовал себя едва ли не в восемнадцатом веке, не хватало только напудренного екатерининского парика. Бибикова дома не оказалось, зато я мило побеседовал с его любезной супругой Дорофеей Владимировной, которая угощала меня сладким, крепко заваренным чаем. Я как раз раздумывал, каким бы образом мне переговорить с Харитой, как в отделанную в русском стиле столовую вошел только что вернувшийся генерал. – Яков Андреевич! – он кивнул мне в знак приветствия. – Чем обязан? – У меня к вам одно важное дело, – ответил я, извлекая из кармана печать. Дорофея Владимировна сослалась на хозяйственные дела и оставила нас одних. Евграф Петрович внимательнейшим образом рассмотрел печать с символическим изображением. – Дикий камень, – произнес он задумчиво. – Душа человеческая, – генерал помолчал немного, а затем спросил: – Так что же, mon cher, привело вас ко мне? Какое неотложное

дело? И тогда я рассказал Бибикову, чем занимаюсь. Он с пристальным вниманием выслушал мою историю и поинтересовался: – А я-то чем помочь могу? – Представьте меня гувернантке Харите, – попросил я. – Покойная Картышева, говорят, с ней близка была. – Вы считаете, что она могла быть причастна к делу? – ужаснулся генерал. Я прочел в его узких серых глазах страх за детей. Я поспешил его успокоить: – Ничего определенного я пока сказать не могу – осторожничал я. – Но, думаю, – нет. Просто Харита Никифоровна могла бы пролить свет на некоторые неясные вопросы, – это я, конечно, слегка преувеличил, на данный момент практически все вопросы оставались неясными. Евграф Петрович крикнул того же лакея из прошлого столетия, приказав ему отвести меня в детскую, где царствовала гувернантка. Стены комнаты, обитые тонкой нежно-розовой материей, в солнечном свете, льющемся из раскрытого окна, отливали золотом. Над пустым камином, временно осиротевшим до грядущей зимы, величественно красовались два семейных портрета в массивных бронзовых рамах. С одного, насупив брови, нежно-голубыми глазами смотрел пожилой господин с напудренными волосами в темно-синем поколенном кюлите. С другого улыбалась русоволосая красавица в муаровом платье с глубоким вырезом, отделанном мехом. На низком овальном столике красного дерева стоял красивый бронзовый светильник, рядом лежали заточенные гусиные перья, стоял попугай.

У стены расположились две детские кровати, над которыми крепился полог. В центре полукругом стояли несколько кресел, обитых изумрудно-зеленым штофом. Над столиком и по бокам от камина висели полки, доверху набитые книгами. В углу примостился комод того же красного дерева, на нем восседала фарфоровая златокудрая кукла с нарисованными глазами. По моим подозрениям, вместительные ящики его скрывали горы детских игрушек. У трюмо прихорашивалась миловидная девушка в белом батистовом платье с античной камеей, приколотой на корсаже. Не успел я появиться в комнате, как ее живые, по-детски лучистые глаза остановились на моем отражении. Она резво обернулась, передернув хрупкими плечиками и отогнав от себя наваждение зазеркалья. – Алина, – сказала она, тряхнув темно-русыми кудрями и рассыпав их по плечам. Я поклонился. – Яков Андреевич, – в ту же секунду открылась дверь и в детскую впорхнул белокурый глазастый ангел. – Алина! – позвал он громким настойчивым голосом, сжимая в руках бильбоке, новомодную игрушку. Чашка на палочке буквально вибрировала и ходила ходуном, шарик то и дело взлетал к самому потолку, и девочка непременно его ловила. Ловкости этой пятилетней шалунье было не занимать. Она подошла к сестре и ткнула в меня тоненьким пальцем: – Это кто? – Яков Андреевич, – посмеиваясь, повторила за мной Алина. Секундой позже я смог поздороваться с Харитой Никифоровной, высокой и статной

женщиной лет тридцати пяти в грезетовом бледно-зеленом платье и таких же, под цвет, перчатках с застёжками. Лицо у нее было вытянутое, загорелое, бронзово-золотистое, с россыпью мелких морщин в углах умных усталых глаз. – Девочки, тише, – мягко попросила она, и те, как ни странно, послушались. А я почему-то проникся к ней жалостью и сочувствием. «Жарко, наверное, в шерстяном-то платье, – пронеслось у меня в голове. – Мода и красота жертв требуют!» Лакей кивнул в мою сторону и сквозь зубы процедил: – От Евграфа Петровича, для разговору. – Мы собирались на прогулку, – произнесла гувернантка, словно угадав мои мысли, и взяла с консоли маленький воздушный зонтик от солнца. Старичок-слуга нас покинул, и Харита Никифоровна отвела меня в библиотеку, велев девочкам дожидаться в детской. На прощание ангелочек чуть не угодил мне шариком в глаз. – Прелестное дитя, – растерянно заметил я. Невозмутимая Харита Никифоровна улыбнулась: – Действительно прелестное, – затем она наморщила лоб и, словно вернувшись из запредельных сфер, неподвластных человеческому пониманию, любезно поинтересовалась: – Так о чем же вы хотели спросить? – О вашей воспитаннице Татьяне, – осторожно ответил я, сосредоточенно наблюдая за ее реакцией. Гувернантка немного побледнела, и ее веселый деревенский загар, от которого не спасал и зонтик, померк, потускнел, будто ясное небо в туманные сумерки. Зрачки в огромных бледных глазах расширились,

от чего они стремительно потемнели. Она сжала кулаки так, что даже захрустели костяшки пальцев. По тому, как Харита себя вела, я понял, что она наслышана о Татьяниной гибели. – Вы хотите найти... – она замялась, подбирая подходящее слово, – это чудовище? Монстра, убившего мою девочку? – ее лицо исказила боль. – Я была к ней привязана, так привязана, – защелкала Харита скороговоркой, слезы сами собой побежали по впалым щекам, обтянутым кожей, напоминающей пергаментную бумагу. – Я любила Танюшу, как собственную дочь, – всхлипывала она. Полный болезненного и щемящего сопереживания, я молча стоял, переминаясь с ноги на ногу и не смея прервать ее горестный монолог. Наконец гувернантка, кажется, успокоилась, и я рискнул нарушить воцарившееся на несколько мгновений молчание. – Вам есть что мне рассказать? – спросил я ее участливо. – Да, – резко произнесла она, и я насторожился, приготовившись слушать Хариту Никифоровну с удвоенным вниманием. Я чувствовал, что темная завеса тайны приоткрывается, еще чуть-чуть, и я ухвачусь за нитку клубка, который и приведет меня к безжалостному убийце. Однако Харита Никифировна не спешила давать мне в руки нить Ариадны. – Вы были знакомы с Татьяной? – спросила она, разглядывая мое лицо и словно колеблясь, открыть или не открыть не внушающему доверия незнакомцу то, что известно только ей одной. – Нет, – я отрицательно качнул

головой, которая у меня уже раскалывалась от того, что головоломка никак не хотела разгадываться. Впрочем, я вынужден был делать скидку и на последствия лейпцигского ранения, а потому и винить не только свой интерес. – Я могу надеяться, что услышанное вы не предадите огласке? – поинтересовалась Харита, взволнованно теребя в руках свой зонтик, который почему-то прихватила с собой в генеральскую библиотеку. – Мне дорога ее репутация, пусть даже... – женщина запнулась. – Пусть даже, – выговорила она с трудом, – Таня и умерла. Уж на что, на что, а на это она могла надеяться, или я не был бы Яковом Андреевичем Кольцовым. – Разумеется, – уверил я Хариту Никифоровну. – Хорошо, – решила она, словно собираясь ринуться в бездну. – Таня в последнее время стала меня пугать, она изменилась, – гувернантка сделала паузу, чтобы проверить какое впечатление произвели на меня ее многозначительные слова. Она глубоко вдохнула и продолжила: – Таня всегда была девочкой послушной, спокойной. Резкого слова не скажет, грубого жеста не сделает. Нежная такая, ласковая, – предприняла Харита Никифоровна экскурс в историю. – А незадолго до трагедии, – женщина снова всхлипнула и сглотнула застрявший в горле огромный ком, – Таня стала нервная, дерганая какая-то вся, будто в нее бес вселился, – Харита Никифоровна перекрестилась. – Нехорошо так про покойницу говорить, ну да ладно! – она махнула рукой. –

Раздражалась по пустякам, с маменькой они то и дело слово за слово... Я ведь ушла из дома Картышевых где-то за полгода до того, как несчастье случилось. Таня и сюда ко мне забегала. – В тихом омуте, как известно, черти водятся, – заметил я едва слышно. Харита Никифоровна не обратила на мою реплику никакого внимания и снова приступила к своему прелюбопытнейшему рассказу: – У нее была какая-то тайная привязанность, – заявила она, очертив своим зонтиком в воздухе огромную дугу. – И я эту связь не одобряла! – А имя своего воздыхателя Таня не называла? – спросил я нетерпеливо. – Нет, – гувернантка качнула головой, и я прикусил губу от разочарования. Фортуна явно не желала мне улыбаться! – Князь знал об этой связи? – задал я новый вопрос, считая, что ревность толкает и не на такие преступления. – Вы имеете в виду Павла Корецкого? – осведомилась Харита Никифоровна. – Да. – По-моему, догадывался, – гувернантка наморщила лоб. – Но утверждать не буду. Доподлинно мне об этом не известно, а вводить вас в заблуждение мне бы не хотелось, – произнесла она с пафосом. – Из-за чего Корецкий чуть было не стал участником дуэли? – поинтересовался я. – Поединок?! – воскликнула Харита Никифоровна, ее и без того большие глаза расширились, она всплеснула руками. – Впервые об этом слышу! Какой кошмар! – гувернантка была ошеломлена. – Впрочем, этого можно было ожидать, – усилием воли ей удалось взять себя в руки, и она вздохнула. –

Бедная Таня, до чего она себя довела! – Так, значит, для вас это полная неожиданность?! – изумился я. – Не совсем, – Харита Никифоровна замялась, я снова заметил, как по ее лицу пробежали волны сомнения. Женщина колебалась, стоит ли ей делиться со мной тем, что она узнала, или унести эти сведения с собою в могилу, чтобы не опорочить имя своей воспитанницы. Я упорствовал в своем страстном желании докопаться до истины: – Ну же! – Хорошо, – гувернантка махнула рукой. – Я вам скажу. Вы, на мой взгляд, производите впечатление порядочного человека. Совсем недавно я узнала, что Таня на целый месяц куда-то уезжала с этим... – Харита замолчала, подбирая подходящее корректное слово, – негодяем, – наконец проговорила она. – И ее родители это допустили? – пришел черед удивиться и мне. – Она сказала, что едет к тетке в Москву, – сказала Харита Никифоровна. – Я очень жалею, что послушалась ее и ничего не сказала графу. – Таня не называла место, куда она собиралась? – поинтересовался я в предвкушении новых открытий. Но гувернантка не оправдала моих надежд: – Не называла, – сказала она печально. Тем не менее я мог сделать некоторые выводы: Во-первых, горничная Камилла определенно мне врет. Скорее всего, она сопровождала Таню в поездке, а значит, просто обязана быть в курсе событий. Во-вторых, у юной графини был любовник, с которым, по всей видимости, и собирался стреляться Павел Корецкий. В-третьих, исходя из первых двух выводов,

в деле убитой графини Картышевой наметились двое подозреваемых: обманутый жених и неизвестный, имя которого мне так и не удалось узнать. Зачем Таня Картышева уезжала из города? На этот вопрос у меня ответа не было. Чтобы получить его, я решил нанести еще один визит мадемуазель Камилле. Поэтому я распростился с Харитой и с милым семейством Бибиковых и направился на Офицерскую улицу. Анна Васильевна была все также печальна и гостеприимна. Хозяйка с порога сообщила мне, что Алексей Валерианович по-прежнему отсутствует, но она рада меня видеть. – Присаживайтесь, – указала она на стул. Я послушался, и Анна Васильевна, расправив юбки, устроилась поблизости от меня в глубоком кресле. Я заметил, что она собирается мне что-то сказать и собирается с духом. Глаза у нее, как и прежде, были на мокром месте, они покраснели от слез и недосыпания, но сегодня графиня Картышева уже не хваталась без устали за платок, как в мой прошлый визит. Я хотел обратиться к ней с обычными словами любезности, но она прервала меня нетерпеливым движением руки. – Почему же вы сразу не сказали? – укорила меня Анна Васильевна, чем вызвала мое искреннее недоумение. – Чего не сказал? – удивился я. – Что вы разыскиваете убийцу моей дочери, – заявила она, уставившись мне в глаза немигающим взглядом. – Андрей Валерианович приезжал, мы с ним долго говорили о вас, – добавила она. Мне стало не по себе, я ощутил

пугающее нечто, которое неумолимо на меня надвигалось. Неужели Картышев осмелился сказать ей и об Ордене? Я в это просто не мог поверить, сама эта мысль мне казалась совершенно невероятной. Хотя... Я-то ведь не скрывал от Миры и Кинрю, что числюсь в масонской организации. Да и мое расследование пока не касается интересов ложи. И тем не менее... Видимо, мои мысли отразились у меня на лице, потому что Анна Васильевна спросила: – Mon ami, чего же вы так испугались? Вам следовало сразу открыться мне, а не ходить вокруг, да около. Хотя, признаюсь, я не вижу в этом вашем расследовании особенного смысла. Вчера заходил господин из полиции, пренеприятнейший такой субъект, так он говорит, что моя дочь стала жертвой трагических обстоятельств. Случайная жертва, так сказать, – губы графини Картышевой побелели, и она налила себе воды в прозрачный стакан. Я уж подумал, что снова не обойдется без нюхательных солей, но ошибся, Анне Васильевне в этот раз удалось справиться со своими нервами самостоятельно. – Скорее всего, какой-то бродяга ее... – она не договорила. – Мне так не кажется, – заметил я. – Вы и правда напали на след убийцы? – лицо Анны Васильевны оживилось, но покрылось красными пятнами. Мне показалось, что она встревожилась еще больше. – Я этого не говорил. – Тогда почему вы вернулись? – Мне надо переговорить с вашей камеристкой Камиллой и, кроме того, уточнить некоторые сведения касательно недавней поездки вашей дочери. – Вы

и об этом уже знаете? – графиня вспыхнула. Я немного схитрил: – Разве она уезжала не к тетке? – Да, то есть нет, – Анна Васильевна занервничала. – А впрочем, вы все равно узнаете о бесчестии моей дочери! – воскликнула она, подошла к секретеру и выдвинула верхний ящик: – Вот, – графиня протянула мне распечатанный конверт. Я вопросительно посмотрел на нее. – Читайте, – махнула она рукой. Я пробежал глазами письмо. Оказалось, что оно было написано рукою той самой московской тети, которая упоминала, что больше года не видела племянницы, и интересовалась ее здоровьем. – Где она была? С кем? Мерзавка Камилла ни о чем говорит не хочет, а она же с ней ездила, тварь такая! – Теперь Анна Васильевна от слез все же не удержалась. – Заклинаю, – взмолилась она. – Только не говорите графу! Мы потеряли дочь, но пусть хотя бы ее имя останется незапятнанным! Я ее успокоил: – Конечно. Следовательно, мои предположения оказались верными, дело оставалось за малым – разговаривать мадемуазель Камиллу. Я вернул графине письмо, она убрала его в ящик и закрыла на ключ. – Сожгу сегодня же, – зло сказала она. – Эх, Танечка, Танечка! Бедная моя доченька! – Я хотел бы переговорить с Камиллой, – на ее счет я питал большие надежды. Анна Васильевна горько усмехнулась: – Вещи собирает мадемуазель, – сообщила она. – Не место ей в порядочном доме. Пусть убирается! – Как? Я терял свой единственный шанс. Конечно, потом мне в любом случае

удалось бы отыскать камеристку. Только кто знает, сколько на это было бы затрачено сил и времени?! – Неужели вы и впрямь полагаете, что я и дальше стала бы держать у себя эту гадину? – спросила графиня с отвращением. – Она еще не ушла? Как мне ее найти? – воскликнул я. – Не знаю, – на лице Анны Васильевны читалось нескрываемое презрение. – Возможно, она все еще в своей комнате. – В бывшей ее комнате, – уточнила она. Я выбежал из гостиной и помчался в комнату Камиллы, скользя подошвами туфель по паркетному полу, и едва не рухнул у лестницы. Но мне все-таки удалось удержать равновесие, я в несколько секунд добрался до цели, распахнул дверь и... Комната пустовала! Как тут было сдержаться и не выйти из себя?! На пороге появился знакомый камердинер. – Вы все мадемуазель Камиллу разыскиваете? – спросил он скорее для проформы, так как был уверен в моем ответе. – Так она только сейчас ушла. Я ей еще вещи тащить помогал, – добавил старичок. – С серного входа. Камердинер снова провел меня тем же путем, что и в прошлый раз, и получил заслуженную награду. Я сбежал с крыльца, разглядев на приличном расстоянии изящную женскую фигуру, которая от меня стремительно удалялась. Я прибавил шагу и вскоре ее нагнал. – Мадемуазель Камилла! – я окликнул француженку, но она не отозвалась. Тогда мне пришлось схватить беглянку за край канзы, концы этой кисейной накидки были завязаны у нее крест-накрест на талии,

которую можно было без преувеличения назвать осиною. – Ах, это снова вы? – Камилла обернулась. – Что вам угодно на этот раз? – спросила она с негодованием, устремившись к калитке. – Убереечь вас от тюрьмы, мадемуазель! – Да что вы говорите?! – Камилла негодовала. – Мне кажется, я сплю и вижу дурной сон. Оставьте меня, наконец, в покое! Легкий ветерок растрепал ее каштановые волосы, и она то и дело поправляла их рукой. Мне пришло в голову немного изменить свою тактику: – Я вам заплачу, – пообещал я Камилле. – Если вы ни при чем, и вам нечего скрывать, то мое предложение должно показаться заманчивым. Или, – я перешел к угрозам, – по вам, Камилла, уже плачет сибирская каторга! Вы не были в Сибири? – невинно осведомился я. – Не слышали, как гремят железные кандалы? Таежный климат отличается от парижского! – откуда я мог знать, что каким-то непостижимым образом предвижу свою судьбу? – Прекратите меня пугать, *monstre*! – воскликнула Камилла. Кстати, чудовищем меня назвали впервые, и мне это по – чему то не понравилось. В дальнейшем я привык и к более неласковым именам. – Это для вашего же блага, сударыня, – я улыбнулся самой очаровательной улыбкой, на которую только был способен, и отпустил ее локоть. – Ну, ладно, – Камилла сдалась, видимо взвесив все «за» и «против» делового сотрудничества со мной. Перспектива легкого заработка показалась ей более заманчивой, чем тюрьма. Облокотившись о чугунное кружево ограды, она

спросила: – Так что же, сударь, вы конкретно желаете узнать? Я ответил: – Сущую малость. – Не сомневаюсь, – Камилла усмехнулась. – Был ли у вашей барышни любовник? – Был, – призналась Камилла. – Он действовал через вас? – С чего вы взяли? – возмутилась камеристка с видом оскорбленной невинности. – Он вам платил? – Я встряхнул ее за плечи. – Говорите же! – Мне некогда с вами разговаривать! – воскликнула Камилла. – Вы что, не видите? Мне же отказали от места. У меня назначена встреча с госпожой Сычевой, если я опоздаю, то останусь без работы! Лучше давайте условимся о встрече, и я все расскажу в спокойной обстановке. – Вы не исчезнете? – Конечно, нет. Ведь, вы, я полагаю, все равно меня отыщете. – Справедливо полагаете! Я заплачу сто рублей, если вы обстоятельно ответите на все мои вопросы. – Обязательно отвечу, – сказала горничная. – Только попозже. Часов в семь-восемь вечера вас устроит? Мне пришлось дать согласие, но впоследствии я себя за это винил. Я поверил Камилле на слово, полагая, что обещанное вознаграждение заставит ее сдержать данное мне слово, но не учел, что и убийца может предпринять ответный шаг. И в этом была моя ошибка, о которой я потом горько сожалел. – Хотя бы скажите, куда вы ездили с Татьяной в июле? – спросил я напоследок. Уходя, Камилла ответила: – В сторону Орши, недалеко от Борисова. Есть там такая деревушка Студенка. Мы там с барышней неделю прожили. – А... – А все остальное вечером, – пообещала Камилла. Я объяснил

ей, как легче добраться до моего особняка. Я ума приложить не мог, что же забыла графиня Татьяна Картышева в этой самой Студенке. Вот и пойми, что у этих барышень в голове. Меня просто бесило, что я так и не выяснил имени княжеского соперника. Оставалось только вечера ждать, да уповать на удачу. Я вернулся домой усталый, голодный и раздраженный, но спустя полчаса пришел в свою обычную норму и расположился в гостиной за шахматной доской. К этой игре я пристрастился еще на Востоке, она помогала мне успокаиваться и размышлять. Такой вот я себе выбрал своеобразный метод медитации. Шахматами мы баловались с Кинрю, Мира нашу забаву не признавала. Слоны и ферзи наводили на индианку тоску, она предпочитала фигурам, вырезанным из желтоватой слоновой кости, свои древние тяжелые книги и шкатулки с драгоценностями, которые я ей дарил. Вид у Юкио в европейском костюме был весьма оригинальный. Он возлежал на диване в длинных панталонах со штрипками, которые держались на подтяжках и еще только входили в моду. Щеки ему подпирал стоячий крахмальный воротничок белой рубашки, поверх которой красовался пестрый жилет. – Как продвигается расследование? – поинтересовался он, передвигая слона. – Медленно, – ответил я коротко и поделился с ним своими догадками. Кинрю задумался, я «съел» у него ладью, а японец практически никак на мой ход не прореагировал. – Да что с тобой? – изумился я. Обычно обыграть его в

шахматы не имелось возможности, а здесь возникла прямая угроза мата. На мой взгляд, это была дурная примета. – Вы зря ее отпустили, – наконец-то изрек японец. – Это большая, огромнейшая ошибка. – Кого? – мой ум все еще был занят шахматами. – Камиллу, – Юкио Хацуми бросил на меня осуждающий долгий взгляд. – Она не доживет и до вечера. – По-моему, это невозможно! – засомневался я. – Если поездка Татьяны как-то связана с ее смертью, а Камилле и в самом деле известно что-то важное, то у нее очень мало шансов выжить. Я погрузился в мрачные мысли. Прикидывая и так и эдак, я все более убеждался в правоте Кинрю и жалел о своей беспечности. Выходило, что француженка навестит меня вечером только в единственном случае – если ей повезло, и убийца на время выпустил ее из своего поля зрения. Правда, существовала и другая возможность, о которой уже упоминал Кинрю. Поездка графини могла и не иметь никакого отношения к ее трагической гибели. Но это казалось мне маловероятным. Я рассуждал следующим образом. Если Татьяна вышла в парк в такое время одна и при этом старалась остаться незамеченной, значит, о встрече было условлено заранее, а так как живой ее больше никто не видел, выходило, что она встречалась с убийцей, с которым, по-видимому, была хорошо знакома. Скорее всего, неизвестный действовал через горничную, которая и устраивала эти свидания. Если мои догадки верны, и Таня уезжала из города для того,

чтобы навестить возлюбленного, она, очевидно, узнала в этой поездке что-то такое, из-за чего любовник и поспешил ее устранить. Оставалось только выяснить, что именно? Согласно другой моей версии, которая основывалась на ревности, главным действующим лицом в этой трагедии выступал Павел Корецкий, который каким-то образом узнал о свидании — здесь, как я полагал, тоже могла быть замешана Камилла — и выследил невесту, которая от его руки и погибла. Проверить мою догадку было не сложно, достаточно выяснить, носил ли когда-нибудь князь эмалевое кольцо с сапфиром. Кинрю втянулся в игру и объявил мне шах, но партию мы так и не успели закончить. Мира сказала, что меня спрашивает высокий гвардейский офицер, представившийся Сергеем Рябининым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.